

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Лиза Гарднер

Ничего не бойся

Москва
2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г20

Lisa Gardner
FEAR NOTHING

Copyright © 2014 by Lisa Gardner, Inc.

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на суперобложке *Вячеслава Коробейникова*

Гарднер, Лиза.

Г20 Ничего не бойся / Лиза Гарднер ; [пер. с англ. А. Э. Сиськовича]. — Москва: Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-93955-8

Новое дело бостонского детектива Ди-Ди Уоррен началось просто хуже некуда. Во-первых, убийство, которое предстоит расследовать, оказалось крайне необычным и кровавым. Во-вторых, на месте преступления следователь подверглась нападению, о котором не может ничего вспомнить. Теперь у нее редкий и очень болезненный перелом плеча, ставящий под угрозу карьеру в полиции. Чтобы вернуться в строй, Ди-Ди нужно избавиться от жуткой боли, добраться до своих воспоминаний и найти убийцу. Во всем этом ей поможет человек с генетическим сбоем, отпрыск ужасного семейства...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык. А. Сиськович, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93955-8

ПРОЛОГ

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...¹

Тело уже вынесли, но трупное зловоние еще долго не покинет эту комнату. Детектив из бостонского отдела по расследованию убийств Ди-Ди Уоррен знала по опыту, что запах крови может держаться неделями, а то и месяцами. Криминалисты унесли матрас, но кровь словно живет своей отдельной жизнью, просачиваясь сквозь штукатурку, через гипсокартонные стены, скользя по деревянным плинтусам, скапливаясь между половицами. В венах двадцативосьмилетней Кристин Райан текло около 4,7 литра крови. Теперь бóльшая ее часть заливает это мрачное серое пространство.

Ветер в листьях прошмыгнет, колыбелечку качнет...

Звонок поступил в начале десятого утра. Мидж Робертс, лучшая подруга жертвы, начала переживать, когда Кристин перестала отвечать на стук в дверь и эсэмэс-сообщения. Кристин всегда была человеком ответственным. Не спала допоздна, не сбегала из дома с красавцем-барменом и даже в случае болезни всегда предупреждала об этом свою лучшую подругу. Та, в свою очередь, каждый день ровно в половине восьмо-

¹ Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю,
Ветер в листьях прошмыгнет, колыбелечку качнет,
А подует посильней — сук сломается под ней.
Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя...
(Английская детская песня, пер. В. Лебедева.)

го забирала ее, и они вместе ехали на работу в местную бухгалтерскую фирму.

Тогда Мидж позвонила общим знакомым, и те подтвердили, что не видели Кристин уже два дня. Мидж прислушалась к голосу своей интуиции и позвала хозяина квартиры, который после долгих уговоров все-таки согласился открыть дверь.

Как только она переступила порог, ее едва не стошнило от невыносимого трупного запаха.

Мидж так и осталась в прихожей тесного дома на двух хозяев, одну часть которого занимала ее подруга. Девушка даже не стала подниматься в спальню, но, как она сообщила Филу, коллеге Ди-Ди, сразу все поняла. Просто поняла. Скорее всего, Мидж даже с такого расстояния учуяла запах разлагающейся крови.

Баю-баюшки-баю...

Прибыв на место, Ди-Ди сразу заподозрила что-то неладное в этом полном противоречий событии. Жертва женского пола, лежащая на кровати с остекленевшими голубыми глазами, устремленными в потолок. Руки раскинуты в разные стороны, красивое лицо обрамлено каштановыми волосами, разметававшимися по белой подушке.

Но то, что ниже шеи...

Вся кожа была изрезана в тонкие скрученные лохмотья. Ди-Ди только слышала о таком, а теперь увидела собственными глазами: молодая женщина, освежеванная в своей же собственной постели, на окровавленном животе покоится одна-единственная красная роза, а на прикроватной тумбочке стоит бутылка шампанского.

Рядом с шампанским Фил обнаружил пару наручников. Для удобства на них была меховая отделка — такие можно приобрести только в дорогих секс-шопах. Наручники, игристое вино, красная роза...

— Похоже, свидание прошло неудачно, — предположил Фил.

Или, если учесть степень жестокости преступления, перед полицейскими красовался результат мести обиженного бойфренда. Кристин порвала с жалким молокососом, а прошлой ночью жалкий молокосос вернулся, чтобы доказать раз и навсегда, кто здесь главный.

Но Ди-Ди такая точка зрения не устраивала. Да, наручники были, но ведь не на запястьях жертвы. Да, была открытая бутылка шампанского, а рядом стояли два абсолютно пустых бокала. Наконец, была и роза, но далеко не в качестве подарка.

Убийство казалось ей слишком... хорошо продуманным. Его совершили явно не в порыве страсти и уж наверняка не из ревности. Нет, это своего рода художественная постановка, на создание которой ушли месяцы, а то и годы долгих раздумий и подготовок.

По мнению Ди-Ди, полицейские стали свидетелями дела рук не просто убийцы, но маньяка с глубоко изощренной, пугающей фантазией.

Это, очевидно, его первое зверское, можно сказать, ритуальное убийство, но вряд ли последнее.

Ветер в листьях прошемыгнет, колыбелечку качнет...

Ди-Ди и ее коллеги, криминалисты и судмедэксперты, не говоря уже о целой бригаде других следователей, более шести часов изучали место преступления. До самого вечера они составляли протоколы, снимали отпечатки пальцев, рисовали схемы и выдвигали свои теории по поводу столь загадочного убийства. С пропущенным обедом сотрудники смирились, но когда пришло время ужина, у многих стали сдавать нервы. Как главный следователь Ди-Ди наконец отправила всех домой отдыхать. Будет новый день, и они смогут изучить федеральные базы данных на предмет убийств со сходным описанием, а также составить досье на жертву и убийцу. Работы предстоит еще много. К расследованию нужно подойти с разных сторон, но не сейчас. Сегодня надо немного отдохнуть.

Поздно вечером все разъехались. Разумеется, кроме Ди-Ди.

Было уже почти двадцать два часа. Детектив могла бы вернуться домой. Побывать с мужем. Поцеловать на ночь трехлетнего сына, мирно сопящего под одеялом в своей кроватке. Просто хорошенько выспаться, в конце концов. Однако вместо этого она торчит в этой жуткой комнате, где совсем недавно убили молодую девушку, и прокручивает в голове столь любимый ее малышом детский стишок.

Ди-Ди не могла так просто уйти. Некий инстинкт — или некая смутная догадка? — привел ее в этот крохотный и чересчур тихий дом. Большую часть дня Ди-Ди общалась с коллегами мотивы убийства, а сейчас стояла в полной темноте в центре орошенного кровью помещения и молча прислушивалась к своему внутреннему голосу.

Баю-баюшки-баю...

Кристин Райан была уже мертва, когда убийца нанес первый удар. Об этом можно судить по спокойному, умиротворенному выражению лица девушки. Смерть, по видимому, была быстрой и относительно легкой. А затем, после того как ее сердце сократилось в последний раз, убийца взял нож и вспорол своей жертве правый бок.

Почему он не убил ее позже? Ведь вряд ли его волновало, что девушке будет больно. Нет, скорее дело в другом. Но в чем? Что это было?

Жертвоприношение? Инсценировка? Часть ритуала? Убийца со странным бзиком по части человеческой кожи. Возможно, еще ребенком он начал с лягушек или даже с домашних животных, а позже, когда разбушевалась фантазия...

Судмедэксперты должны обследовать тело на предмет сексуального насилия, а также выяснить, как вел себя убийца, когда наносил удары труп. Обычно рваные края раны свидетельствуют о неуверенности маньяка, но в данном случае сложно судить о его поведении, учитывая, как сильно изуродовано тело.

И снова Ди-Ди передернуло от этой мысли. Конечно, все это можно выяснить. Но в глубине души Ди-Ди знала, что эта информация не представляет большой ценности. На самом деле убийца таким образом хотел направить их по ложному следу.

Зачем же еще разыгрывать целое представление, как не для того, чтобы заставить зрителей увидеть то, что тебе нужно?

Внезапно Ди-Ди все поняла. Эта мысль уже давно таилась в закромах сознания, и только сейчас детектив ее обнаружила. Первый и главный вопрос, ответ на который следует искать. То, из-за чего она стоит сейчас в темноте, невидящим взором оглядывая эту комнату: зачем же убийца устроил этот спектакль?

Раздался звук. Где-то в отдалении. Кто-то осторожно открыл входную дверь? Лестница скрипнула под тяжестью чьих-то шагов? Стон половиц на первом этаже?

Снова раздался звук. Теперь уже ближе. Сержант уголовной полиции Ди-Ди Уоррен поняла то, что должна была понять еще пятнадцать минут назад. Любимая колыбельная Джека, детская песенка, которую она напевала себе под нос... Эта мелодия крутилась не только в ее голове.

Кто-то еще напевал ее. Тихо-тихо, едва слышно. Где-то в коридоре. В квартире убитой находился кто-то еще.

Баю-баюшки-баю, в кроне древа на краю...

Ди-Ди резко дернула руку вниз, расстегнула кобуру и вытащила пистолет. Детектив развернулась и мгновенно опустилась на корточки, взглядом, прыгающим от угла к углу, пытаясь отыскать незваного гостя. Но в темноте никакого движения, никаких теней, приобретающих человеческие очертания, не было видно.

Ветер в листьях промывает, колыбелечку качет...

Ди-Ди быстро проскользнула из спальни к лестнице, держа перед собой пистолет. В узком коридоре не имелось ни светильников, ни точечной подсветки. Только из незанавешенных соседских окон сюда попадал свет вме-

сте с причудливыми светло- и темно-серыми тенями, исполняющими дикие танцы на деревянном полу.

Ди-Ди напомнила себе, что знает этот дом. Не далее как сегодня утром она стояла в этом коридоре, осторожно переступала через лужи рвоты и пыталась запомнить каждую сколько-нибудь значимую деталь. Детектив подошла поближе к лестнице, посмотрела по сторонам, а затем стала вглядываться вниз, в вязкую лужу на первом этаже. Песенка стихла. Тишина оказалась еще хуже пения.

Затем где-то в темноте снова раздался низкий и мелодичный голос: *«Баю-баюшки-баю, в кроне дерева на краю...»*

Ди-Ди остановилась. Ее взгляд продолжал метаться из стороны в сторону. Детектив тщетно пыталась определить место нахождения незнакомца, продолжавшего напевать, медленно и насмешливо: *«Ветер в листьях прошемыгнет, колыбелечку качнет...»*

И вдруг Ди-Ди все поняла. Она буквально почувствовала, как страх превратил кровь в ее венах в лед. Зачем ты разыграл весь этот спектакль? Затем, что тебе нужны зрители. Или, может, конкретный зритель. Например, женщина-детектив, которая оказалась настолько глупа, что поздней ночью торчит на месте преступления совсем одна.

Детектив запоздало вытащила мобильный.

Одновременно с этим прямо у нее за спиной раздался какой-то шум.

Ди-Ди развернулась, глаза расширились от ужаса.

Из темноты появилась чья-то фигура и направилась прямо к ней.

А подует посильней — сук сломается под ней...

Инстинктивно Ди-Ди отступила назад, позабыв, что стоит на краю лестницы. На какое-то мгновение она застыла наверху, продолжая отыскивать опору...

Нет! Телефон полетел вниз, но она вскинула пистолет, пытаясь при этом не упасть вслед за мобильником.

Секунда... и тень приблизилась вплотную, а в следующий миг Ди-Ди почувствовала, что падает.

Вниз, вниз, вниз.

В последний момент Ди-Ди спустила курок — сработал инстинкт самосохранения. Бах-бах-бах. Хотя и знала, что поздно... слишком поздно.

Она ударилась головой о холодный деревянный пол. Щелчок. Выстрел. Ди-Ди почувствовала острую боль от пули, пробивающей плоть. И услышала голос, шепотом напевающий последнюю строчку: *«Сронит ветер, не шутя, колыбельку и дитя...»*

Глава 1

Мою особенность обнаружила старшая сестра, когда мне было три года. Наша приемная мать вошла в комнату, как раз когда та держала в руках ножницы, а я стояла рядом, послушно вытянув окровавленные руки. Кровь капала с запястий прямо на шерстяной, оливково-зеленого цвета ковер.

— Смотри, ей даже не больно. — И шестилетняя сестра полоснула мне ножницами по предплечью.

Кровь полилась еще сильнее.

Мать вскрикнула и упала в обморок.

Помню, как уставилась на нее, не понимая даже, что произошло.

Потом сестра куда-то убежала, а чуть позже меня забрали в больницу. Врачи несколько недель проводили всякие тесты куда хуже, чем эксперименты сестры. Они должны были причинить мне больше боли, но этого сделать не удалось. Однако медики выяснили причину: из-за невероятно редкого вида мутации гена SCN9A я не чувствую боли. Я могу почувствовать внешнее воздействие. Например, когда ножницы разрезают мне кожу. Я могу почувствовать характер поверхности какого-либо предмета. Например, гладкие острозаточенные лезвия, вонзающиеся в руку.

Но в буквальном смысле ощущать боль даже от сильно кровоточащего пореза...

Я не чувствую того, что чувствуете вы. Никогда не чувствовала. И никогда не почувствую.

Следующие двадцать лет после того, как Шана вспорола мне руки швейными ножницами, я ее не видела. Большую часть этого времени моя сестра провела в различных медицинских учреждениях, пытаюсь удостоиться чести стать самым юным подростком штата Массачусетс, посаженным на принудительное нейролептическое лечение. Свою первую попытку совершить убийство Шана предприняла, когда ей было одиннадцать. В четырнадцать новая попытка увенчалась успехом. Прямо семейная гордость.

Однако если сестра пала очередной жертвой системы, то я стала местным примером для подражания, эдаким воплощением успеха.

Когда поставили диагноз, врачи решили, что приемные родители больше не смогут заботиться обо мне должным образом. В конце концов, известно много случаев, когда младенцы, рожденные с такой же генетической мутацией, сами откусывали себе языки, как только у них появлялись первые зубки. А еще малыши получали ожоги третьей степени из-за того, что держали ручки на раскаленной кухонной плите. Не говоря уже о семи-, восьми-, девятилетних детях, которые могли целыми днями бегать со сломанной лодыжкой или умереть от разрыва аппендикса, потому что они даже не почувствовали, как он воспалился.

Боль — полезная штука. Она предупреждает об опасности, учит задумываться над своими действиями и напоминает о возможных последствиях. Ведь если бы не было боли, прыжок с крыши мог бы показаться весьма забавным развлечением. Так же как и идея опустить руку в чан с кипящим маслом или, например, взять пассатижи и вырвать с корнем собственные ногти. Большинство детей с врожденной нечувствительностью к боли объясняют свои поступки любопытством. Не важно зачем, просто почему бы и нет?

Другие, однако, скажут вам с ноткой задора в голосе, что они сделали это, чтобы проверить, будет ли им больно. Ведь способность *не чувствовать* то, чего так боятся все остальные, может стать самым главным достижением всей их жизни. Ими движут особая сила, неослабевающая одержимость и, наконец, неудовлетворенное чувство мазохизма.

Среди детей, страдающих от невосприимчивости к боли, наблюдается высокий уровень смертности. Лишь немногие из нас доживают до зрелого возраста. Большинству требуется круглосуточный уход. В моем случае один генетик, пожилой мужчина без жены и детей, использовал кое-какие связи и забрал меня к себе домой, где я стала его любимой приемной дочерью, а также самым интересным предметом исследования.

Мой отец был хорошим человеком. Он нанял лучших сиделок, которые заботились обо мне двадцать четыре часа в сутки, а все выходные помогал мне привыкнуть к моей особенности.

Он научил меня, например, что если не можешь *почувствовать* боль, то должна найти другие способы выявления потенциальных угроз для своего физического благополучия. Еще маленьким ребенком я усвоила: кипяток равно опасность. То же самое и с раскаленной кухонной плитой. Любой предмет я должна сначала оценить заочно. Ни в коем случае нельзя брать его в руки, если он острый. Никаких ножниц. Никакой мебели с открытыми уголками. А также никаких котят, щенят и любой другой живности с клыками и когтями. Ходить — предельно осторожно. Не прыгать, не кататься на коньках, не качаться на качелях, не танцевать.

Если я шла на улицу, то обязательно надевала на голову шлем и всю остальную необходимую защиту. А по возвращении мои доспехи снимались, а тело подвергалось обследованию на наличие признаков повреждения. Однажды я пришла домой и только тут заметила, что лодыжка вывернута на полных сто восемьдесят градусов.

Неудивительно, что я повредила все сухожилия, просто гуляя по саду. А в другой раз я явилась вся в пчелиных укусах: наткнулась на осиное гнездо и с наивностью, присущей пятилетней девочке, увлеченно смотрела, как эти забавные насекомые летают вокруг меня.

С возрастом я научилась самостоятельно производить собственные медицинские осмотры: каждое утро измерять температуру, чтобы понять, есть ли у меня жар, наличие которого, как правило, предупреждает о том, что организм борется с инфекцией; в конце дня осматривать каждый сантиметр кожи на предмет ушибов и порезов; затем глаза: красные глаза — плохой знак; потом уши: кровь в ушной раковине может свидетельствовать о разрыве барабанной перепонки и/или возможной травме головы; и, наконец, нос, рот, зубы, язык и десны.

Мое тело — мой храм, святилище, коему нужны постоянные внимание и забота. Отсутствие молекулярных каналов, направляющих электронные импульсы от нерва к мозгу, говорит о том, что мой организм не может сам о себе позаботиться. Поэтому эту заботу должна проявлять я. Люди с такой же особенностью, как у меня, не могут пользоваться осязанием. Вместо него мы вынуждены полагаться только на зрение, слух, вкус и обоняние.

— Победа духа над плотью, — часто повторял мой отец-генетик. — Нужно постоянно тренировать свой дух, чтобы одержать победу над плотью.

Когда мне удалось дожить до тринадцати и не умереть от теплового удара, внутренней инфекции или несчастного случая, отец смог продвинуться на шаг вперед в своих исследованиях. По статистике, во всем мире от невосприимчивости к боли страдают несколько сотен детей, но из них лишь сорок доживут до зрелого возраста. Изучение этих случаев открыло еще ряд негативных моментов неспособности чувствовать физический дискомфорт. К примеру, многие из таких детей имеют трудности при общении со сверстниками, замедленный